

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 14

15 ноября 1943 года

№ 14

содержание:

Объявление Германского Правительства

★

Обращение П. Н. Краснова к казакам

★

Восемь месяцев боев на Кубани

★

Донской герой Я. П. Бакланов

★

Исторические очерки Дона
П. Н. Краснова

★

Фальсификаторы

★

Сплоченными рядами —
П. Харламов

★

Между делом — Азовченко

★

Казачи в Сербии

★

Колхозы на Дону — стихи
Н. Васильева

★

Стихотворения Н. Туроверова
и Карпушкина

★

Литературный конкурс для казаков

Казак, зовет тебя былое,
Былых дерзаний высота

За дело вольности святое
Вперед под знаменем креста.

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

К а з а к и !

Казачьи войска никогда не признавали власти большевиков.

Старшие войска, Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое), жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны московскому государству.

Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда, вы, казаки, закалили себя в боях.

Когда большевизм поработил Россию, вы, с 1917-го года по 1921-й, боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходившим вас числом, материальными средствами и техникой.

Вы были побеждены, но не сломлены.

На протяжении десятка лет, с 1921-го по 1933-й годы, вы постоянно восставали против жидовской власти большевиков.

Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями, с малыми детьми на тяжкие работы на крайний север, где вы погибали тысячами. Вас расстреливали, уничтожали. Вам приходилось скрываться, вести жуткую жизнь постоянно гонимых и ждущих казни людей.

Ваши земли были отобраны. Войска ваши уничтожены.

Вы ждали освобождения. Вы ждали помощи!

Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам — вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники.

Вы с семьями, всем народом, ушли с германскими войсками, связали свою судьбу с ними, предпочитая все ужасы войны, биваки в зимнюю стужу, кочевую жизнь — рабству под большевиками.

Все, кто только мог сражаться, взялись за оружие. Второй год вы сражаетесь плечо к плечу, стремя к стремени с Германскими войсками.

Вы пережили весь ужас жидовской власти большевизма и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!

В воздаяние заслуг ваших на поле брани в нынешнюю величайшую войну совершенных;

В уважение прав ваших на землю, кровью предков ваших политую и вам полтысяча лет принадлежащую;

В сознании прав ваших на самобытность —

Считаем долгом нашим утвердить за вами, казаки, и теми иногородними, которые с вами жили и с вами доблестно сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.

2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.

3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных толикими трудами, заслугами и кровью предков ваших.

4. Если-бы военные обстоятельства временно не допустили-бы вас на земли предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устроения Новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы.

10. ноября 1943

Да поможет вам в этом Всемогущий!

Начальник Штаба
Германского Верховного Командования

Райхсминистр
Восточных Областей

(Кейтель)

(А. Розенберг)

Обращение П. Н. Краснова к казакам

С каким волнением прочитает казак помещенное в этом номере об'явление Германского Правительства, подписанное высокими его представителями, Начальником Штаба Германских вооруженных сил генерал-фельдмаршалом Кейтелем и министром Восточных областей доктором Розенбергом.

Загорелая, мозолистая, зачугунелая в боях и походах, в схватках с врагами и работах рука ста-

Генерал П. Н. Краснов произносит в микрофон речь перед чинами Н-ской казачьей дивизии.

рого казака поднимется ко лбу и сотворит крестное знамение.

Услышал Господь молитвы наши!.. Пришло, чего ждали казаки! Пришло удостоверение Германской власти признания казачьих заслуг перед миром; обещание защиты и покровительства Вождя Германского Народа Адольфа Хитлера!

Пришло утверждение за казаками:

Прав и преимуществ служебных — возможности постоять за честь отчизны — родных казачьих войск.

— Самобытности, стяжавшей казакам историческую славу — славу дедов и отцов.

— Неприкосновенности земельных угодий: — своего «порога и угла».

Старые казаки! В этот великий день признания ваших прав на свободное существование, предками вашими и вами, великою кровью и многими муками заслуженное, забудьте ваши недавние страдания по тюрьмам и ссылкам, ваше унижение, потери близких; голод и болезни.

Выше головы!

Вы казаки!

Научите молодежь, не помнящую воли свободных войск, что такое казак. Пусть станут они горды казачьим именем, ныне признанным Великой Германией Адольфа Хитлера. Пусть станут они грозным карающим мечом для большевиков и их приспешников, и защитой большевиками угнетенных мирных жителей.

Казачья молодежь! Чутким ухом прислушайся к своим старикам. Скинь наигранное в советской школе комсомольское ухарство и замени его подлинной казачьей лихостью и исполнительностью. Дружеским сердечным отношением к обывателям, которые тебя кормят и поят, внеси в их жизнь не дикое насилие, кровь и грубость, но честную, казачью, «рыцарскую» защиту отрадающих от коммунизма людей. Следи за своими односумами, не допускай их до насилия и грабежа, недостойных казака.

Война с коммунизмом не кончена. Нужно уничтожить коммунизм везде, где он может помешать вам получить то, что вам дается теперь.

Где будет окончательная победа Германии над коммунизмом и его уничтожение нам не дано знать. Будет оно на берегах Атлантического Океана во Франции? В Италии, на Аппенинских горах у Средиземного моря? Завершится все это разгромом коммунистических банд на Балканах и освобождением Сербии и Хорватии от коммунистов? Или сдаст коммунизм на далеком Севере, или на реке Днепре, или в родных степях Придонья?

Где бы это ни было мы, казаки, должны везде, где нам укажут, не щадя жизни своей, спешествовать этой победе.

После нее будут свободные Дон, Кубань и Терек, свободное казачество под защитой Германии Адольфа Хитлера.

Тогда — на своей-ли, исконной, или на временно вам предоставленной земле, соберутся Войсковые Круги и Рада, будет выбор атаманов, устройство войск, могучая, захватывающая творческая работа всех казаков и казачек — для создания казачьих образований — образца христианской веры, казачьего трудолюбия и необычайной казачьей способности на голом «Диком поле», в горах, лесах и делях устраивать благодатный, богатый край, ставить церкви и школы, создавать всю красоту старинного казачьего быта.

Бог в помощь казаки! В час добрый!

ПЕТР КРАСНОВ

Казак Каргинской станицы
Всевеликого Войска Донского

Восемь месяцев боев на Кубани —

Саперные войска готовят на реке переправу для танков

Приказ Фюрера

В многочисленных и жестоких боях в условиях сурового зимнего времени, Кубанская армия более 8 месяцев держала в своих руках Кубанское предместное укрепление.

Все попытки прорыва со стороны врага разбились о блестящее и мужественное сопротивление армии. Крупные силы врага тем самым были связаны в течение многих месяцев.

Эти силы не могли быть использованы врагом в других местах и тем самым была облегчена тяжелая борьба на Восточном фронте.

Когда теперь последний солдат, согласно боевого приказа, оставляет горячо защищавшуюся территорию Кубанского предместного укрепления—вся армия должна с удовлетворением и уважением оглянуться на их предыдущие подвиги.

Жертвы, понесенные ею, не были напрасными. Павшие в Кубанской области не подлежат забвению!

Выражаю благодарность и признательность Командованию и войскам. В подтверждение моей признательности послужит установленный мною Кубанский знак отличия.

Приказ Главнокомандующего Кубанской армией

Лагерь Кубанской армии, в ночь с 8 на 9 октября 1943.
Солдаты Кубанской армии!

Этой ночью последние части Армии переправились через Керченский пролив. Тем самым закончилась боевая операция, успех и планомерность проведения которой являются исключительно искусными. Не только все дивизии общим числом четверть миллиона человек со всем оружием, конными обозами, автомобилями, но и 116.000 тонн всевозможных грузов были переправлены в Крым. Успех всех этих операций может быть отнесен к каждому из вас.

Как победители во всех битвах и столкновениях, покинули германские и румынские дивизии Кубанское предместное укрепление.

Ваши подвиги отметит история! Ваша военная слава гремит до вершин Кавказа и берегов Каспийского моря. Гренадеры и егеря, при поддержке всех других видов оружия, в шести битвах с февраля 1943 года нанесли поражения 89 дивизиям и бригадам врага и причинили ему необычайно высокие кровавые потери, уничтожив при этом 1.045 танков.

Почтим память наших лучших товарищей, отдавших свою жизнь Отечеству на кубанских полях сражений. Жертвы, принесенные ими, являются для нас и всех сознательных солдат Германской и Румынской армий достойным для подражания образцом. Народы, сыны которых совершают такие подвиги, непобедимы!

Содружество тесно связывает всех бойцов Кубанской армии. Мы честно держимся того пути, по которому ведет нас война, мы все знаем только одну цель:

Борьба до победы!

Только что оглашенный приказ Вождя является высшим признанием ваших доблестных достижений.

Да здравствует Его Величество Король Михаил I!

Да здравствует маршал Румынии!

Да здравствует наш Вождь Адольф Гитлер!

Енеке, генерал саперных войск.

Гренадеры по ущелью пробираются в тыл противника на разведку

Блестящая глава в военной истории

Дух Кубани окрыляет бойцов крепости Крым

В связи с отходом германских войск с Кубанского предмостного укрепления, Главнокомандующий армейской группы генерал-фельдмаршал фон Клейст обратился по радио к солдатам Кубанской армии со следующей речью:

«Солдаты Кубанской армии! Далеко продвинувшись на восток, долгие месяцы вы защищали фронт на Кубани. В ожесточенных боях вы постоянно отбивали натиск далеко превосходящих сил противника, который снова почувствовал ваше превосходство. В полном братстве по оружию сражались на Кубани германские и румынские части. Не под давлением врага, а по приказу Высшего Командования планомерно очищена теперь Кубанская область.

Последний германский и румынский солдат переправились через Керченский пролив и вступили в крепость Крым. Ваше войсковое имущество и оружие переправлено. Все попытки врага при помощи пехотных дивизий, авиации и морских сил помешать вашему отходу потерпели неудачу.

Будьте горды тем, что вы носите имя бойцов Кубани, особенно будьте горды образцовым отходом и переправой. Провести их лучше было нельзя. Вашему командованию и вам всем приношу свою благодарность и высшую признательность за вашу дисциплину и мужество. Благодарю моряков, авиацию, саперов и все остальные части, которые помогли вам.

Кубанский боец сделался образцом для всего фронта и отечества. Сохраните в себе и в дальнейшем дух Кубани и будете вы тогда всегда наводить ужас на врага. Я горжусь вами».

Гаубицы на самоходном лафете искусно замаскированы цветами и зеленью

Первое орудие из штурмовой артил. колонны выезжает на позицию

Сообщение Верховного Командования от 9 окт. 1943 года

В ходе сокращения линии фронта, эвакуировано также продвинутое далеко вперед Кубанское предмостное укрепление.

В ночь на 9 октября последние германские арьергарды оставили Таманский полуостров после того, как они еще вывели из строя 24 из 40 нападавших советских танков, и переправились без помех через Керченский пролив. Таким образом закончена, начатая 13 сентября, согласно приказа, эвакуация Кубанского предмостного укрепления после того, как в Крым были отведены все войска и переправлены все запасы. Германские и румынские войска под командованием генерал-фельдмаршала фон Клейст и генерала саперных войск Енеке отразили там в последние месяцы в тяжелых боевых условиях все крупные вражеские атаки.

В этих тяжелых боях особенно проявили свои боевые качества пехота, горные стрелки и саперы в выдающемся взаимодействии с другими родами оружия.

Находящиеся под командованием генерал-лейтенанта Ангерштейн соединения германской авиации принимали большое участие в успешных оборонительных боях наземных войск и в проходившем без трения их отходе на новые позиции. Вновь отличились транспортные соединения своей работой по снабжению и затем по обратной доставке войск. В верном содружестве по оружию соединения румынской авиации под командованием генерал-майора Георги сражались совместно с их германскими товарищами. Соединения военно-морских сил под командованием вице-адмирала Кизерицкого совместно с саперами наземных войск регулярно снабжали Кубанское предмостное укрепление и в этих операциях, как и при эвакуации, проявили свои очень высокие боевые качества. Легкие германские военно-морские силы в постоянной боевой готовности охраняли берега Кубанского предмостного укрепления и отразили многочисленные, направленные с моря советские атаки. В тяжелых боях, которые велись на Кубанском предмостном укреплении с 1 февраля 1943 года, до полной эвакуации, противник потерял в общей сложности 14.026 человек пленными, 1.045 танков, 291 орудие, 2.281 самолет и много легкого и тяжелого пехотного оружия. Кровавые потери противника составляют 355.000 человек.

Донской герой Я. П. Бакланов

Яков Петрович Бакланов родился 15 марта 1809 года в станице Гугнинской Войска Донского 2-го округа. Отец его Петр Дмитриевич и мать Устиния Малаховна, оба принадлежали к семьям простых казаков, все имущество их заключалось в маленьком домике в той же станице. Отец начал свою службу в «рабочем» полку, на который возложена была работа по постройке новой столицы Вой-

ска. Немногому научился мальчик у них, но зато все время проводил в казачьей казарме и слушал рассказы стариков о Донской старине, о походах на «турского султана», Азовском сидении и подвигах казаков в минувшую компанию.

Через три года отец вышел на льготу, вернулся с сыном в станицу и занялся хозяйством.

Тогдашнее воспитание молодых казаков сводилось к развитию в них силы, ловкости и воинских навыков. И Яков Петрович обладая от природы исполинским ростом и силой, быстро усовершенствовался во всем том, что требовало его воинское призвание; ездил на коне, джигитовал, без промаха стрелял в цель, много занимался охотой. На охоте развивалась ловкость, отвага, осторожность, сметливость, глазомер, все эти качества Яков Петрович приобрел в высшей степени.

В 1825 году шестнадцатилетний юноша зачислен на службу урядником и отправлен служить на Крым, в казачий Попова полк, где отец его командовал сотней. Отец благословил его иконой Божьей Матери и дал такое наставление: «Помни всегда, что твой отец одной честной службой дошел до штаб-офицерского чина. Храни ненарушимо простоту отцовских обычаев, будь строг к себе, а паче не забывай свою родину, наш Тихий Дон, который вскормил, взлелеял тебя». Этот завет Яков Петрович свято соблюдал всю жизнь.

Будучи, однажды, дежурным по полку, он должен был написать какой-то рапорт, но убедился, что учености его для этого недостаточно. Отец поэтому откомандировал его из сотни в Феодосию, в уездное училище, где он, впрочем, пробыл не долго. По настоянию матери, он поехал домой и в 1826 году женился на дочери Гугнинского священника Серафиме Ивановне.

Вернувшись на службу, он был зачислен на службу в артиллерию, но с открытием военных действий в 1829 году опять поступил в свой полк.

29 апреля 1828 года, Яков Петрович, за выслугу лет, произведен в хорунжие. Началась турецкая война и полк его отправлен на границу Европейской Турции. Перед выступлением в поход, Новороссийский Генерал-губернатор граф Воронцов послал его с депешами к Великому Князю Михаилу Павловичу, осаждавшему город Браилов. Приехав туда, он пожелал участвовать в предпринятом штурме этого города. Но штурм был неудачен: русские понесли большие потери, и Яков Петрович, взрывом мины, был контужен и засыпан землей. Он вскоре оправился и возвратился к отцу в полк, встреченный им на походе. Отец, узнав об его приключении отпорол его нагайкой, приговаривая: «Не суйся в омут без своей части, а с частью иди в огонь и в воду».

С этим полком Яков Петрович проделал всю турецкую компанию и отличился при переправе через Дунай и при взятии города Бургаса. За эти дела он был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Анны 3-й степени с бантом. В 1834 году Бакланов назначен в Донской Жирова полк, действовавший на Кавказе. Полк этот вместе с несколькими пехотными частями занимал кордонный участок на нашем правом фланге, от станицы Николаевской до Земли Черноморского казачьего войска.

Начальником этой линии был Генерал Майор барон Засс, приобретший славу непобедимого воина. Под его командой начал Бакланов свою кавказскую службу, ознаменовавшуюся длинным рядом боевых подвигов. В 1841 году он переведен в Донской № 41 Родионова полк и с ним отправлен в Польшу, на охрану Прусской гра-

Генерал Бакланов

ска, города Новочеркаска. Обладая хорошими способностями, честностью и храбростью, Петр Дмитриевич был замечен своим начальством и вскоре произведен в хорунжие, но до конца жизни он держался старых казачьих традиций простоты и трудолюбия. В свободное от службы время он сам пахал и убирал поле, пас волов, а сын помогал ему во всех земледельческих работах. Дальнейшая служба отца проходила в действующих полках, он совершил вместе с Атаманом Платовым поход в Европу, дослужился до чина полковника и командовал полком, имел многие знаки отличия за боевые подвиги.

Яков Петрович рос дома на попечении своей матери. Понимая, что «дворянское дитя» не должно остаться без образования, она поручила его обучение станичной старухе Кудиновне, от которой он перешел сначала в руки повомаря, потом дьячка Гугнинской станицы. Общими усилиями они научили его читать церковную печать, псалтырь и часослов. Ему было 7 лет, когда его отец в чине есаула вернулся с Отечественной войны в родной дом. Вскоре он опять отправился на службу в Бесарабию, где его полк охранял границы Молдавии, опустошаемой тогда чумой. Заметив, что сын его сделал успехи в науках, Петр Дмитриевич взял его с собой в полк и отдал в обу-

ницы. Здесь весь свой досуг, которого было не мало, Яков Петрович посвятил самообразованию, читая книги по военной истории.

По возвращении из Польши, он произведен в Войсковые Старшины и в 1845 году экстренно опять командирован на Кавказ, в 20-й Донской полк младшим штаб-офицером. Здесь началось быстрое его повышение. Отличившись при взятии Бердынских завалов, Яков Петрович награжден орденом Св. Анны 2-й степени и назначен по личному распоряжению Главнокомандующего командиром 20-го Донского казачьего полка. Первым его делом было отобрание своих казаков от разных начальствующих и не начальствующих лиц, которые держали их в качестве вестовых, денщиков и конвоиров. Собрал полк, Яков Петрович занялся его обучением и воспитанием. Он организовал в полку 7-ю учебную сотню, взвод в сотнях снабдил шанцевым инструментом, образовал две команды — пластунскую и ракетную, улучшил содержание людей и лошадей, и вскоре довел свой полк до такого боевого совершенства, что не только сравнял его с линейными кубанскими полками, которые от рождения привыкли к условиям горной войны, но далеко опередил их. Обладая огромной физической силой и выносливостью, он мог не спать по несколько ночей сряду, сам водил своих казаков в разведки и так изучил местность, что знал ее лучше самих горцев. Строгий ко всяким нарушениям порядка и дисциплины, он был добр и отзывчив на всякую нужду казаков и щедро помогал им своими личными средствами. Он оплачивал из своего жалованья лазутчиков из враждебного лагеря и, благодаря этому, заранее знал все, что горцы намеревались предпринять против нашей армии. Его осведомленность удивляла черкесов и чеченцев и они верили, что он сам «даджал» — дьявол, с которым невозможно бороться. Этому убеждению способствовала и его внушительная наружность: огромный рост, физическая сила, выразительное лицо, поврежденное оспой, с большим носом и длинной бородой, спускающейся на самую грудь.

Много раз участвовал он в рукопашных боях, много лошадей под ним было убито, сам он многократно был ра-

нен. За отличие в делах его произвели в полковники и наградили Золотым оружием с надписью «за храбрость». 20-му полку настал срок идти на льготу на Дон. Но кавказское начальство не хотело расстаться с Баклановым и Главнокомандующий князь Воронцов ходатайствовал о назначении его командиром пришедшего на смену 17-го полка. Просьба эта была уважена Императором.

Простившись со своим 20-м полком, Яков Петрович принял 17-й и приступил к его военной подготовке. С этими казаками он продолжал свои боевые подвиги.

Как то в начале 1851 года Якову Петровичу почта доставила посылку с Дона. В ней оказался полковой значек, имевший вид черного знамени, в середине которого изображена мертвая голова с двумя крестообразно сложенными костями и надписью: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.» Кто послал этот значек, осталось неизвестным, виден был только штемпель Аксайской почтовой конторы на Дону. Появление этого значка сначала произвело на казаков неблагоприятное впечатление, но оно скоро развеялось, когда казаки увидели, какой, почти мистический ужас, наводит он на горцев. Этот значек остался навсегда значком Донского № 17-го полка.

В войне с Турцией, 1853—1856 г., Бакланов отличился при взятии Карса и по окончании Крымской войны был назначен походным Атаманом донских полков при Кавказской Армии.

С 1861 г. он — начальник 2-го военного округа Донского Войска, а в 1863 г. был командирован в Вильно, где был назначен ген. Муравьевым начальником Августовской губернии. На этом посту донской генерал проявил себя деятельным и гуманным администратором.

Память Я. П. Бакланова увековечена в Новочеркасске памятником на Соборной площади. Его имя носил до революции 17-й Донской каз. полк и его родная Гугнинская станица переименована была в Баклановскую.

Ныне, один из новых казачьих полков присвоил шеефство прославленного донского героя.

Умер Яков Петрович в 1874 году на своем родном Дону.

СТИХИ К ДОЧЕРИ

Над ковыльной степью веет
Жаркий ветер суховой,
И донская степь синееет
С каждым часом горячей,
И опять в полднейной сини,
Как в минувшие века,
В горьком запахе полыни
Вековечная тоска.
Знаешь ты о чем тоскует
Эта горькая полынь,
Почему тебя волнует
Эта выжженная синь,
И тебе рожденной где то
В европейском далеке,
Так знакомо это лето
В суховейном втерке;
Почему счастливым звоном
Вся душа твоя полна,
Как полна широким Доном
Эта легкая волна;
Почему у перевоза,
У песчаных берегов,
Ты почувствуешь сквозь слезы
Дочериную любовь,
И поймешь, моя родная,

Возвращаясь домой,
Что нет в мире лучше края,
Чем казачий край степной.

Николай Туроверов.

ТЕРЕКУ

В горах берешь свое начало,
Могуче-дивной красоты,
Вода твоя ясней кристалла
И гордость наша, Терек, ты.
Как встарь и ныне песню баншь
О славе вольных казаков,
Как встарь, привет евой посылаешь
Потомкам храбрых гребенцов.
Пусть враг глумится над тобою,
Поправ столетий седину,
И топчет грязною ногою
Традиций вольных старину.
Но рокот волн твоих кудрявых
Я слышу в дальней стороне
И звуки песен, сердцу милых,
Летят в изгнание ко мне.
Крепись же Терек — друг родимый,
Нас много здесь и все с тобой,
Мы ждем лишь звук трубы призывной,
Чтоб жизнь отдать за Край родной.

В. Карпушкин

Исторические очерки Дона

Продолжение восьмое*)

XIX

Наплыв на Дон «новопришельцев». — Голодные годы. — «Голутвенные» казаки. — Запрет пахать землю и сеять хлеб. — Разбойничья песня Яицких казаков.

Царствование Алексея Михайловича было началом преобразований в России. Необходимость закончить начатую еще в Смутное время войну со шведами; присоединение по просьбе гетмана Богдана Хмельницкого к России Украины в 1653-м году, вызвавшее упорную войну с Польшею — потребовали увеличения и улучшения русских военных сил. Наряду со стрелецкими полками в Москве появляются полки «иноземного строя» из наемных немцев. Содержание этих полков, войны, улучшение путей сообщения, устройство необходимых заводов — все это требовало расходов. Налоговое бремя было увеличено. От помещиков стали брать больше «сдаточных» людей на службу, на целый ряд предметов первой необходимости, в том числе и на соль, были наложены «пени». В народе были неудовольствия, в Москве доходило до открытых бунтов.

На Дон потянулись искать вольной жизни, спастись от суда и наказаний, от призыва в войска не одиночные люди, но целые толпы с женами и детьми.

Преобразование церковного строя, изменение церковных канонов, замена двуперстного сложения троеперстным, гонение на иконы франкского письма и пр., сурово и жестоко проводимое патриархом Никоном в годы 1653—1667 — побудили приверженцев старого богослужения, как тогда говорили «старой веры» — уходить на юг к донским казакам, в низовья Волги и на Яик (Урал).

Война из за Украины велась с перерывами 13 лет (1654—1667) и закончилась Андрусовским перемирием. Россия вернула Смоленскую и Северскую области, приобрела левобережную Украину и на правом берегу Днепра город Киев, как ключ к обладанию западной правобережной Украиной и священная память единства Русской земли, колыбель России, мать городов Русских.

Недовольные новыми московскими порядками украинцы устремились на Дон.

Так, вдруг, в конце XVII века Донская земля наполнилась пришельцами из Москвы, Рязани, Саратова, шедшими с севера и из украинских городов, пришельцев с северо-запада.

Эти «новоприходцы», «сизимейные казаки», «заклиные бурлаки» и «работные люди» селились по донским городкам и станицам. Переписи им не было, количества их никто не знал, ибо так уже изстаро было, что «число на Дону не живет» и «переписи на Дону не повелось».

— Живите, коли вы добрые люди и в Бога веруете, — говорили казаки пришельцам. — Промышляйте сами за себя.

Но промыслов на всех людей не хватало. «С травы да и с воды», то есть скотоводством и рыболовством Дон не мог пропитать всех людей; присылаемого из России хлеба не хватало на новопривывших. Когда те попробовали сами заняться земледелием, донские казаки усмотрели в этом ущемление казака, потерю казаком его воли и свободы передвижения. И было отписано по станицам и городкам: — «приходят к нам на Дон, и на Хопер, и на Медведицу непрестанно беглые и завели было всякую пашню и мы, уведев то, во время с'езда всех казаков великих Государей к годовому жалованью, послали по всем городкам войсковой свой приговор, чтобы никто и нигде хлеба не пахали и не севали, а, если станут пахать, и тогда бить до смерти и грабить, и кто за такое ослушание кого убьет и ограбит, на того суда не давать, а кто хочет пахать, и те бы шли в прежние свои места, где, кто жил»...

Своих обжитых отцами и детьми куреней, своего скота и лошадей, садов, своего имущества, добытого в поисках новоприсельцев не имели — они явились в городках и по станицам крутыми бедняками — «голытьбою», «голутвенными ка-

заками». Что же оставалось им делать, как не искать, где-бы «добываться», на войне-ли, в грабежах-ли на Волге, на Яике, или на Черном и Хвалынском (Каспийском) морях?

Такою жаждущей разбоя, воровства, душегубства «голытьбою» был полон тогда весь юг России. Возможности добывать там большие. Рядом — обширные калмыцкие и татарские кочевья с лошадьми и скотом, с синими, влекущими в даль морями — сказочно богатые, пестрые, яркие Турецкое и Персидское государства; между ними Кавказские горы и что в них, что за ними? Там своеобразные люди, имеющие прекрасное оружие, лихих коней, сладкие вина, пестрые ткани и ковры, медную, золотую и серебряную посуду и прелестных женщин.

Играл на все это глаз казака гульбщика.

И не только на Дону. Кругом жили товарищи, готовые откликнуться на смелый и вольный призыв, идти на смелый разбойничий поиск.

Пели на Яике задорную песню:

— «За Яиком за рекой
Казаки гуляют
И каленою стрелой
За Яик пускают.

Казаки не простаки —
Вольные ребята,
Как по шапкам тумак,
Все живут богато.

Они ночи мало спят: —
В поле раз'езжают,
Все добычу стерегут,
Свищут, не зевают...

Как персидские купцы
Едут с соболями,
Ну-те, братцы, молодцы,
Пусть со стрелами.

Всю добычу поделим,
Славно попируем,
Сладко выпьем, поедим,
Все горе забудем.

Наш товарищ — острый нож,
Пашка лиходейка,
Пропадем мы ни за грош: —
Жизнь наша — копейка...

Это стремление широко погулять, «добыть» себе благосостояние, устроиться хорошо и богато, «по казачьи», постепенно схватило всю голытьбу Дона, Волги и Яика. Нужен был толчок, чтобы поднялась она на смелый и большой поиск, на лихую гульбу. Нужен был вождь, атаман, который собрал бы ее и вдохновил на войну, на грабежи, вопреки запретам, приказам и запорам.

Такой вождь нашелся.

XX

Песня о Степане Разине. — Облик Разина по историку Костомарову. — Призыв Разина на поиск. — Морской поход по Хвалынскому морю. — Взятие персидского города Фербада. — Тяжелая зима в камышах и болотах. — Морское сражение с персидским флотом. — Победное прибытие в Астрахань. — Переговоры с воеводой. — Выезд и пьяная гульба в Астрахани.

— «У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе
Народился удалой, добрый молодец.
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во-казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думы не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во Царев кабак
Он думал крепкую думушку с голутвою: —

— «Сударь мои, братцы, голь кабацкая.
Пойдем, братцы, на сине море гулять,
Разобьем, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны, сколько надобно,

*) Начало см. в №№ 7—13 «На Казачьем Посту».

Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветное платье, да на низ поплывем»...

В 1667-м году по Дону, на площадях и на улицах городков и в самом Черкасске раздавался запретный клич:

— На Волгу матушку рыбку ловить, на Черное море за ясырми, на Хвалынское за добычью... Кто желает?... Кто хочет?... Атаманы молодцы послушайте!...

Призывал казаков на поиск не какой нибудь голутвенный, «отпетый» казак, призывал Степан Разин, шесть лет тому назад по назначению Войскового Круга ездивший «выборным посыльщиком» к калмыкам, сам метивший в донские атаманы.

Историк Костомаров так обрисовывает нам личность Степана Разина: «это был человек чрезвычайно крепкого сложения, предприимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой деятельности. Своенравный, столько же непостоянный в своих движениях, сколько упорный в предпринятом раз намерении, то мрачный, то разгульный до бешенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый с нечеловеческим терпением переносить всякие лишения; некогда ходивший на богомолье в отдаленный Соловецкий монастырь, впоследствии хуливший имя Христа и святых Его. В его речах было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось в грубых чертах лица его, правильного и слегка рябоватого; в его взгляде было что то повелительное; толпа чувствовала в нем присутствие какой то сверхъестественной силы, против которой невозможно было устоять и называла его колдуном. В его душе, действительно, была какая то страшная, таинственная тьма. Жестокий и кровожадный, он, казалось, не имел сердца ни для других, ни даже для самого себя; чужие страдания забавляли его, свои собственные он презирал. Он был ненавистник всего, что стояло выше его. Закон, общество, церковь — все, что связывает личные побуждения человека, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало сострадания. Честь и великодушие были ему незнакомы»...

Валом повалила к Разину казачья голытьба. Такого вождя она давно ожидала. Несмотря на запреты Донского атамана Корнилия Яковлевича Яковлева быстро собралась большая ватага людей на все готовых. Домовитые и степенные казаки тайно помогали Разину, снабжая его оружием и деньгами и выговаривая за то часть добычи, когда Степан Тимофеевич вернется с поиска.

Разин со своей ватагой прошел на реку Камышевку и там укрепился, став грозой для русских и персидских судов, шедших по Волге. Первые же удачные нападения дали ему избыток продовольствия, оружия и одежды. Шайка его пополнялась с Волги отчаянными крепкими и смелыми людьми.

С отрядом в 2.000 человек Разин прошел вверх по реке Яику и стал на зимовку у городка Гурьева, готовя суда для морского поиска.

Что творилось в этой безумно-смелой голове?... О чем в ту пору думал Степан Разин?... Поклониться царю Русскому царством Персидским, как поклонился Ермак Сибирским царством?... Самому стать царем над Персией?... Кто знает, что думал удалой казак, когда на 40 стругах с отрядом в 2.000 человек прекрасно вооруженных и снаряженных за счет ограбленных им деревень у Дербента, Шемахи и Ваку Разин в 1668-м году пригрянул к персидским берегам у города Ферабада.

Он вошел в город с несколькими казаками и объявил персам, что он и его товарищи мирные купцы, привезшие кавказские товары, чтобы обменять их на персидские.

Персы охотно брали у казаков их добычу. Казаки не дорожились — отдавали все задешево. Шесть дней, все расширяясь, шла торговля. На базарной площади больше и больше становилось казаков. Они гуляли с персами и зорко поглядывали на своего атамана. На шестой день Разин стал так, чтобы его было видно со всех концов площади. Он вдруг повернулся и сдвинул шапку на бок. Это был условный знак. Казаки бросились на персов, порубили купцов, отняли у них проданное ими и их собственные товары.

В Ферабаде был богатый шахский дворец, полный драгоценностей. Казаки разграбили дворец, взяли пленных, и Разин забрал себе красавицу Персидскую княжну.

Ферабад был началом военных действий.

В Ферабаде Разин освободил русских пленников из персидского рабства и те примкнули к шайке Разина.

Обшарив соседние городки, Разин при приближении зимы высадился на Персидской земле, на береговой косе, далеко уходящей в море. Здесь по его указанию пленные построили городок укрепленный валами и засеками.

Персидский шах послал против Разина большое войско. Долго и упорно бились казаки на косе. Персидская сила лопала, не считаясь с потерями. Разин, потеряв не мало людей, сел на ладьи и отошел дальше в море. Зимовать пришлось в камышах между морем и болотом. Голод и болезни косил отряд Разина. Хлеба вовсе не было. Казаки резали лошадей и питались конским мясом. Жуткая и скучная протекала зима. Пели в ту пору Разинские молодцы мощную, но и печальную песню-молитву:

« Ах, — туманы, вы мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные...
Как печаль — тоска ненавистные...
Не подняться вам, туманушки,
Со синя моря долой.
Не отстать тебе, кручинушка,
От ретива сердца прочь.
Ты возмой, возмой туча грозная,
Ты пролей, пролей част крупен дождичек,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Что-бы тюремщицки, братцы, разбежался,
В темном-бы лесу собиралися,
Во дубравушке, во зелененькой...
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становилися,
На восход Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:—
— «Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горою взойди, над высокою;
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца
Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина...
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых,
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина работнички,
Есауловы все помощнички.»

Наконец пришла долгожданная весна. Растаяли Каспийские льды и потянуло Разинское войско на новые поиски и набеги. Пересмотрели, наново осмолили и оснастили ладьи и пошли шарить по персидским берегам.

В июне 1669-го года персидский военный флот из пятидесяти кораблей с 3.700 человек войска с пушками настиг легкие струги Разина в открытом море. Несмотря на громадное превосходство в силах Персов Разин атаковал персидский флот. Под жестоким пушечным и пицальным огнем казаки на веслах бросились на корабли, топорами прорубили днища и потопили. Лишь небольшой части персидского войска на трех судах удалось уйти от казаков и выброситься на берег. Разин потерял в этом морском сражении 500 человек.

Уже два года ходил Разин по Хвалынскому морю вдоль Персидских берегов, набрал огромную богатую добычу и на кругу порешил с казаками возвращаться домой, на Дон.

Не легок был длинный морской путь вдоль всего Хвалынского моря. На лодках было много больных и раненых казаков. Бурное море сильно трепало легкие казачьи струги и только в августе Разин вошел в устье реки Волги.

В Астрахани знали о набегах Разина на Персию, о грабеже на море русских и персидских судов. Оттуда отписали обо всем в Москву и царь Алексей Михайлович прислал в Астрахань воеводу князя Ивана Прозоровского с войском. Астраханские перебежчики предупредили об этом Разина.

Казаки стали на якорь в виду Астрахани. Из ящиков доставали персидские ковры и шелка, стали шить из шелка паруса и готовить шелковые канаты. Борта лодок убрали пестрыми коврами и установили вдоль них золотую и се-

ребряную посуду. Казаки вырядились в роскошные затканые золотом кафтаны и надели дорогое оружие. Они были намучены двухлетней, непрерывной войной, были голодны, исхудали, дочерна загорели, но духа бодрого не теряли.

В Астрахани в виду настроения черни, стоявшей за казаков и ожидавшей их, побавались Разина, и Прозоровский прислал к Разину воеводу князя Львова с 3.000 стрельцов. Воевода послал стрелецкого голову для переговоров с Разиным.

Переговорщик сказал Разину, что есть уже от Царя Разину милостивая грамота, что казакам будет разрешено войти в город, если казаки изъявят свою покорность.

— Казаки, — отвечал Разин, — царю всегда покорны и супротив царя Московского не шли, а занимались своим делом, промышляли добычей в чужих землях. Так всегда, как стоит наше войско, велось.

— Царь требует, чтобы все казаки были переписаны, чтобы пленные и беглые были выданы и добыча ваша сдана воеводе.

— Добыча? Вот берите эту баржу, груженую персидскими лошадьми, что мы на днях захватили, то будет наш, донских казаков, подарок его царскому величеству. Переписки казакам на Дону и на Яике и нигде по нашим казачьим обычаям не повелось. Не повелось и беглых людей выдавать. Скажи воеводе, что я увижусь и рассчитаюсь с ним. Он дурак и трус. Хочет обращаться со мною, как с холопом, а я прирожденный вольный человек. Пленных персиян и знамена их сдам сам в приказной палате. Так все и скажи.

Кругом тесно, борт к борту стояли изукрашенные коврами и шелками Разинские струги и на них, блистая оружием, расшитыми золотом кафтанами и драгоценными мехами толпились Разинские молодцы. Тихо было среди них. Каждое слово Разина раздавалось по реке. Слушали своего атамана казаки. Понял стрелецкий голова по напряженному молчанию казаков, что сила была на стороне казаков. Он вернулся к князю Львову с докладом, что с казаками не следует задираться.

От князя Прозоровского последовал приказ — впустить Разинские суда в Астрахань.

22-го августа Разин с легким ветром с моря входил в Астрахань. Яркое солнце играло зеленоватыми морскими волнами. В них огненными искрами отражались золото кубков и чаш, наставленных по бортам. От пестрых казачьих кафтанов, от расшитых ковров цветная рябь бежала по воде.

Толпы народа, стрельцы, весь город — высыпал на Астраханские стены. С первого русского корабля, построенного голландскими мастерами «Орла» и с крепостных верков грянул пушечный салют. Ему из персидских пушек поставленных на стругах ответили казаки. Не разбойничий атаман с дикой вольницей казаков гулебщиков входил в город, но грозный победитель Персидского шаха.

— Поистине, — говорили в толпе, — богат Стенька приехал... На судах его веревки и канаты все шелковые и паруса все из материи персидской шелковые учинены.

Торжественный въезд Разина в Астрахань вскружил головы жителям и стрельцам.

Окруженный богато и нарядно одетыми молодцами, рослыми казаками, сам пышно одетый в золотом изукрашенном оружии Разин, во главе отряда, несшего бунчук и десять персидских знамен, везшего пять медных и шестнадцать железных пушек, ведшего толпу персиян пленных, пошел через город в приказную палату сдавать князю Прозоровскому обещанное. Народ бежал за ним, восторженно приветствуя победителя.

Астраханские власти запретили казакам сходить на берег и ходить по городу. Но кто мог удержать их?

Открытый торг награбленной добычей шел по всему городу. Стрельцы и народ с увлечением слушали рассказы казаков о их подвигах в войне с персиянами и о доблести и силе их атамана Степана Тимофеевича.

Разин в эти свои Астраханские дни, по описанию историка Костомарова: — «был для всех щедр и приветлив, разделял с пришельцами свою добычу, одевал бедных и голодных, которые, не зная, куда деться, искали у него приюта и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодеем, верили в

его ум, в силу и счастье. Стенька не отличался от прочих братьев казаков ни пышностью, ни роскошью: жил он как и все другие, в земляной избе; одевался, хотя богато, но не лучше других; все, что собрал в Персидской земле, раздавал немущим»...

XXI

Набег на Царицын. Разин на Дону. Разинский городок на Кагальнике. Переговоры с атаманом Яковлевым. Войсковой Круг в Черкасске. Разин на Кругу. Убийство царского посла Евдокимова.

Князю Прозоровскому только с большим трудом удалось выпроводить незваных и нежеланных гостей из Астрахани.

Успех, преклонение толпы, непробудное пьянство вскружили голову Разину. Он стал груб с казаками и искал работных исполнителей его причуд среди Астраханской черни. Он стал окружать себя беглыми крепостными рабами, бездомной нищей братией Астраханской бедноты.

В песне, позднее написанной, поется, как Разин в угоду пьяной толпе бросил в Волгу свою любовницу, персидскую княжну. В истории не говорится про это. С того дня, как по песне этой грубо крикнул Разин:

— Что-ж вы черти, приуныли!?
Эй ты, Филька, шут, пляши!!
Грянем, братцы, удавую
На помин ее души!..

вошел хмель буйной власти в его голову. «Братья» казаки стали «чертями», «шуты» и «Фильки» нужны для забавы.

С пьяными, нескладными песнями понеслись Разинские струги вверх по Волге. В Царицыне убили стрелецкого сотника, пытавшегося остановить насилия, насмеялись и издевались над дьяком в палате, раскрыли тюрьмы, выпустили преступников и убийцами и ворами пополняли свой отряд.

Так буйно и бурно дошел Разин до Пятиозбнянской станицы и спустился на челнах по Дону в Кагальник. Здесь, на острове, самовольно, не спросив разрешения Круга, разинцы стали рыть землянки и устраивать свой городок. Из Черкаска Разин выписал к себе жену и брата.

В Кагальник Разин прибыл с 1.500 казаками, поздней осенью у него было 2.000, а к весне 4.000 голытьбы.

Атаман Корнилий Яковлев, бессильный что либо сделать с самовольными насельниками — все войско восхищалось ими, — послал есаула в Кагальник спросить Разина, что он делает в Кагальнике, нарушая войсковые обычаи и законы?

— Я послал гонцов к царю, — отвечал Разин, — если возвратятся ко мне они с милостивою грамотою — пойду воевать за царя на Крым, или на Азов, или где повеление великого Государя будет и покрою вину государю службой. А если милостивой грамоты не будет, пойду к запорожцам и буду с ними воевать против поляков.

Ни с чем вернулся есаул к атаману Яковлеву.

В мае 1670 года в Черкасск приехал царский посол Евдокимов. Разин, узнав об этом, поднял свою ватагу и пошел к Черкасску.

В Черкасске, как всегда при приезде царских послов, был собран войсковой круг. Дьяк в присутствии посла Евдокимова перед казаками прочитал царскую грамоту и на другой день было назначено собраться на майдане для торжественного вручения ответной от Войска грамоты послу.

Как только Круг собрался, по Дону спустился на стругах Разин со своими молодцами. Богато и пестро одетый, с драгоценным оружием, окруженный такими же щеголями и молодцами-казаками Разин сошел с ладьи, расталкивая казаков, стоявших на Кругу, вошел в середину и прошел к атаману.

Страшная грозная тишина стала на площади. На Дону все знали про Разина, знали и про Астрахань и про то, что воевода, князь Прозоровский, боялся чтонибудь предпринять против Разина, знали и то, что Разину атаманом было запрещено являться на Круг, что он самовольно устроился на Кагальнике. Все ожидали, что, если Разин и появится в Черкасске, то появится с повинной головой просить перед войском о прощении. И вот он появился на Кругу. С гордо поднятой головой, богато одетый. Не снимая прекрасной собольей шап-

ки, прошел он к атаману и грозно, как власть имеющий, громко, голосом, раздававшимся по всему майдану спросил:

— Это почему Круг?

Корнилий Яковлев молчал. Войсковой дьяк ответил:

— Снаряжается легковая станица для отвоза царю ответной грамоты от Войска.

— Кто привез грамоту?

— Посол Евдокимов.

— Позвать его на Круг!

Разинские молодцы, вытесняя казаков Круга, тесно стали подле Разина. Точно не Яковлев был атаманом, но Разин. Кто то услужливо побежал за Евдокимовым. Когда тот пришел, Разин смерил его с ног до головы строгим взглядом и спросил громко:

— Ты что? Мне привез грамоту?

Посол ответил, что грамота была атаманам и казакам, всему Войску Донскому.

— Кто тебя послал на Дон? Государь или бояре? — спросил Разин.

— Я приехал с царскою грамотою, — ответил Евдокимов.

— Врешь! Ты не грамоту привез, а приехал лазутчиком. В воду его!!

Никто не успел даже подумать о том, что совершается, как Разинские казаки бросились на посла, зарубили его шашками и потащили топить в реку.

Войсковые старшины и есаулы стали уговаривать Разина не буйствовать. Корнилий Яковлев подошел к Разину.

— Опамятуйся, Степан Тимофеевич, — сказал он, — что с тобою? рехнулся что ли? Ты своим буйством войско губишь.

— Молчи! — грубо оборвал атамана Разин. — Ты владеешь своим войском, а я владею своим. В мои дела не мешайся! Кругу разойтись!

В подавленном молчании казаки разошлись по куреням.

Разин расположился полным хозяином в Черкасске. Многие казаки, ослепленные его богатством, забегали к нему и вступали в его шайку. Корнилий Яковлев заперся в своем курене. Несколько дней Разин пробыл в Черкасске, распоряжаясь полновластно, как атаман. По всем Черкасским станицам шла пьяная гульба.

Так же внезапно, как пришел Разин в Черкасск, так же быстро он его и покинул. Он направился опять на Волгу, к Царицыну.

Корнилий Яковлев, предвидя беду, послал в догонку Разину «войскового казака» Фрола Минаева, с приказом уговорить Разина вернуться и не губить войско. Разин не послушался уговоров.

В Черкасске было неспокойно. Казаки, боясь Разинской расправы, держали стрельцов, провожавших посла Евдокимова, семь недель в «крепи» (тюрьме). Только тайно от казаков Корнилию Яковлеву удалось их отпустить из Черкаска.

Кака только немного утихло в Черкасске, Яковлев послал в Москву отписку. Он писал: — «Разин подходил под Черкасск, чтобы в войске учинить великую смуту, а нам за малолюдством не токмо над ним, вором, и над его единомышленниками промысла учинить и себя уберечь было нечем...»

(Продолжение следует)

П. Краснов

К вам от носителей славы всемирной,
Их вековое бессмертье идет.

Вам среди народов поднять свое право,
Рядом поставить наш вольный народ.

Фальсификаторы

Военный корреспондент московской «Правды», некий Я. Макаренко, описывая августовские бои под Таганрогом, впал в телячий восторг от «показавших свое высокое умение бить врагов»... Кубанских гвардейских кавалерийских дивизий.

Конечно, вообще не следует искать истины в «Правде», но в данном случае советский борзописец уж слишком зарвался и заврался. Настолько, что и тени правдоподобия не найти. Видно, бедному Макаренко, лавры Колумба, открывшего Америку, не дали спать, так и он решил сделать в свою очередь открытие, найдя в Красной армии казаков. Целые дивизии! И не какие-нибудь, а гвардейские, кавалерийские! Значит, есть еще и армейские кубанские дивизии? И не только кавалерийские? А если пойдем дальше, то, по всем законам логики и правилам арифметики, то там же отыщем еще большее количество донских гвардейских, армейских, кавалерийских и пехотных казачьих дивизий. Прибавим еще терцев, уральцев и других. Пожалуй, по методу Макаренко казаков в Красной армии столько, что внушительной цифрой номеров своих дивизий и полков они «догнали и перегнали» все советское воинство.

И смех и грех. Греха то, надо признаться, здесь больше, чем смеху.

Фантазия о существовании крупных воинских соединений, состоящих из казаков, в рядах советских войск, может родиться только в больном воображении соборов «Правды». Посторонний наблюдатель легко обнаружит в советских «кубанских дивизиях», что о казаках там и помину почти нет. Может быть по 2—3 казака и найдется в эскадронах. Да и те, как ни корми, все равно в лес смотрят. До первого, так сказать, случая.

Не только каждому казаку, но и всем знакомым с казачьей трагедией за последние четверть века, слишком хорошо известно, что о создании советских дивизий из казаков и речи не может быть.

Начнем с того, что гражданская война 1918-19 г.г., охватившая поголовно все казачество, вызвала громадные жертвы не только в строевых казачьих частях, но и среди мирного населения. Затем следовал 1920-й год, когда

в эмиграцию, за границу, ушли десятки и десятки тысяч казаков со своими семьями. Голод 1930-33 г.г., памятный всем и поныне, поглотил неисчислимое количество жертв в наших краях. Коллективизация, аресты, ссылки на далекий север целыми станицами, безсудные расстрелы, массовые расправы с неоднократно восстававшим казачеством — все это заплачено большой кровью. И, наконец, последний исход с родной земли в 1942 году, когда вместе с Германской армией уходили на чужбину многие тысячи казаков, с детьми, женщинами и стариками, с остатками своего скарба, с косяками лошадей и стадами рогатого скота. Уходили все, кто имел к этому хотя малейшую возможность и физические силы. Вспомним и многочисленные переходы мобилизованных в Красную армию казаков, как одиночками, так и целыми группами.

Теперь же, в 1943 году, после 25 лет систематического истребления казачества, физического и духовного, палачи нашли своих жертв, целыми дивизиями рвущихся в бой за своих поработителей.

Ларчик просто открывался: уничтожившая казачье население советская власть переселила на его место мужиков из Пензенской или Тамбовской областей, и, мобилизовав их, соединив в дивизии, наименовали их Кубанскими и, следовательно, в этих то дивизиях служат и сражаются никто иные, как «кубанские казаки». На безрыбьи и рак рыба.

В дореволюционной русской армии существовали Финляндские стрелковые дивизии, в которых не было ни одного финна. Никому и в голову не приходило выдавать солдат этих частей за финнов, которые, кстати, и не призывались на военную службу. Название же было дано по месту стоянки этих войск. Это было известно и населению и армии. Большевики же, родившиеся во лжи, обмане, предательстве и крови, и на этот раз не могли обойтись без фальсификации, именуя казаками красноармейцев, собранных со всего советского Союза, представителей разных народностей, составляющих так называемые «Кубанские гвардейские кавалерийские казачьи дивизии».

Воистину, горбатого могила исправит.

Сплоченными рядами

1918-19 г.г. были годами самой напряженной героической борьбы казаков против Совдепии. Казаки Донской армии под руководством войскового атамана генерала П. Н. Краснова с беззаветным мужеством защищали родной Тихий Дон. Особенно жестокие бои шли под Царицыном, где отдельные случаи казачьего героизма поражали даже врагов.

Однажды в 1922 г., когда я уже третий год сидел в Орле в плену у большевиков, один красный командир — участник боев с казаками под Царицыном, с удивлением рассказывал о том, как казаки с шашками в руках самоотверженно шли в атаку на броневую автомашину и упорно лезли на самый броневик — так велика была их ненависть к большевикам...

Пророческими оказались слова войскового атамана Каледина, который, кончая с собой, сказал, что придет время, когда казаки осознают свои ошибки, и все до единого восстанут против советской власти. Казаки вскоре действительно восстали все поголовно, стихийно — кто с чем: кто с винтовкой, кто с шашкой, а кто с одной пи-

кой или вилами. Небольшими отрядами они нападали на целые полки красной гвардии. Так было на хуторе Калаче в мае 1918 года, когда отряд казаков ст. Голубинской в 300 чел. под командой войскового старшины Макарова глубокой ночью, переправившись через Дон, неожиданно напал на два полка красной гвардии. Разбив их на голову, он захватил несколько орудий, до 20 пулеметов и заставил остатки полков в одном белье бежать в Царицын.

Почти в это же время под хут. Мешковым Верхне-Донского округа горсточка казаков внезапной ночной атакой, буквально голыми руками, захватила 19 орудий у красных. В героизме в то время соперничали все! Молодые казаки призыва 1918—19 г.г., питомцы атамана П. Н. Краснова, цвет и гордость казачьей молодежи, шли в пешем строю в атаку стоя, не ложась и почти все пали смертью храбрых в неравном бою, защищая свободу родного Дона.

Когда весной 1919 года казаки Верхне-Донского округа в районе станиц Казанской и Вешенской временно,

вследствие своих ошибок, попали под власть советов и доведенные затем красным террором до отчаяния, подняли поголовное восстание, они с беззаветной храбростью отбивались от большевиков, находясь в замкнутом кольце несколько недель.

Много еще можно привести примеров беззаветной отваги, мужества и героизма казаков в период жестокой борьбы с большевизмом.

Так казаки боролись против советской власти, боролись одни, если не считать Добровольческой армии, обманутые союзниками — Францией и Англией.

Казаки боролись и недоумевали, почему русское крестьянство и рабочие так легко попались на удочку Ленина, Сталина, Троцкого, поверив их лживым обещаниям, и так легко отдают за них свой жизни.

Казаки хотели, чтобы лучшие люди из противоположного лагеря, любящие свою родину и ее историческое прошлое, поняли свою ошибку, повернули свое оружие против большевиков и пришли к нам на помощь. Но этого, увы, не случилось! Русский народ дал себя обмануть лживыми лозунгами. Казаки были разбиты; разбиты, но не побеждены! Большая часть казаков пала в боях, часть ушла за границу, а остальные или были расстреляны, или обречены на многие годы мук и страданий, на смерть в подвалах и лагерях ЧК—ГПУ—НКВД.

И потом, проводя долгие годы заключения в Сиблаге, Бамлаге, Дальлаге и прочих лагерях и соприкасаясь с заключенными, бывшими бойцами и командирами красной гвардии и красной армии 918—20 гг., казаки снова невольно их спрашивали, почему они не пришли тогда к нам на помощь, почему они тогда защищали Ленина, Троцкого, Сталина?

Здесь казаки видели, что бывшие их враги становились постепенно союзниками, готовыми, при удобном случае, стать с ними рука об руку на борьбу с советской властью. Там, в лагерях НКВД, где мне пришлось второй раз около четырех лет испытать всю тяжесть гнета большевиков и быть свидетелем жуткой расправы с заключенными, там я впервые пришел к выводу, что близок уже день, когда в ряды противников большевизма придут обманутые и прозревшие бывшие красные бойцы и командиры, коммунисты и беспартийные казаки из первой конной армии, Сталинской дивизии, Таманской армии, мироновцы, думенковцы, сорокинцы, жлобинцы, кочубеевцы...

И казачество, наконец, дождалось этого дня. С чувством искренней радости, я, бывший подъесаул Донской армии, и другие, такие как и я офицеры-казаки, сражавшиеся в годы гражданской войны против большевиков, встретили весть о том, что многие бывшие командиры красной армии, после долгих лет пребывания в ее рядах, побывав в тюрьмах НКВД, испытав все прелести сталинского режима, порвали связь с прошлым, и стали в ряды борцов против большевизма. Долго мы этого ждали, долго длилось тяжелое испытание. И вот это испытание кончилось! Теперь мы дружной семьей, сплоченными рядами, гордо поднимаем знамя борьбы против большевизма.

Подъесаул П. Харламов

Между делом

(от нашего корреспондента)

Большевики готовились к атаке одного из немецких пунктов в плавнях. Об этом узнали казаки-рыбалки ст. Курчанской и сообщили в штаб. Немцы предприняли контратаку.

Многие казаки этой станицы пожелали принять участие в этой атаке. Они хорошо знают плавню; все ходы по ней им известны, а ненависти к большевикам — хоть отбавляй. Поэтому их желание удовлетворили.

Бой был горячий. Почти все силы, брошенные большевиками в атаку, оказались уничтоженными. Такому успеху способствовало то, что на всех возможных проходах, указанных казаками, Германское командование выставило усиленные засады. Как только начался бой, путей для отхода у большевиков не оказалось; был только огонь — губительный огонь.

В этом бою особо отличился Иван Сергиенко. Хотя он и молод еще, но пошел на эту рискованную операцию. Сражался он как взрослый казак, и когда в конце боя не оказалось одного немецкого офицера, он бросился в камыши. Долго метался он в плавне, но все таки нашел. Офицер был ранен и, заблудившись в высоком густом камыше, направился к советской позиции. Во время подоспел Сергиенко, а то отведать бы большевистской «ласки» офицер...

«...За участие в боях и вынос из плавни заблудившегося раненого офицера Германской армии казак ст. Курчанской Сергиенко Иван Петрович, 1927 года рождения, награждается «Знаком с мечами».

Получил Сергиенко награду и продолжает работать дальше, ожидая очередного случая, что бы уйти на короткое время в плавни и за это короткое время сделать большое дело.

Казак Кужилин работает в ротной кухне и ежедневно вывозит на передовую горячий обед. Пока обед раздают солдатам, он уходит в камыши, далеко вперед, и тогда над плавнями слышится его голос.

Не так давно он снова ушел:

— Идите до своих, братья! Тут харашо! — кричал он в камыши.

Закачались камыши. Поднялись двое:

— А ты кто? Покажись!

Поднялся и Кужилин.

— Та це ж и чоловик наш! — радостно вскрикнул один из обитателей плавней — хлопцы, сюда!

Поднялись еще трое. Пытались бросить в воду оружие, но Кужилин распорядился взять его с собой. Пришли они и принесли: автомат, ручной пулемет, три винтовки, восемь гранат, пять сумок патронов.

— Все? — спросил Кужилин.

— «Максим» там стойте! — ответил один из красноармейцев.

— Так тягните його сюды!

Те притянули станковый пулемет.

— А не расстреляют! — робели перебежчики.

— Тю, дурни! За що?...

Так между делом, используя каждую возможность, стараются казаки вложить и свою долю в большое дело. И всякий раз эта доля оказывается ценной, и весьма.

Азовченко

ВАШИ ПИСЬМА И РУКОПИСИ

для журнала

«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»

посылайте по адресу:

Schriftleitung «Kosakenposten»

Feldpost № 02306

К прибытию казаков в Сербию

О борьбе казачьих полков против коммунистических банд в Сербии военный корреспондент пишет следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что использование добровольно сражающихся на стороне немцев казачьих частей, причем не на территории Советского Союза, представляет собой нечто новое в этой войне. Если бы эти люди даже и не поняли, что освобождение их родины не зависит от тактических отступлений и контрнаступлений, а что судьбу народов Востока решает исход войны вообще, то им все таки было бы не трудно понять, что борьба на новых фронтах имеет не менее важное значение. Готовность казаков бороться на этих отдаленных от родины фронтах доказывает глубокую веру в окончательную победу германского дружина. Этому решению способствовал, правда, и тот факт, что в отдаленной на тысячи километров стране враг оказался тем же самым. Коварные методы коммунистических банд в лесах и оврагах Кroatии, Боснии и Сербии ничем не отличались от тех, которые применяли советские банды в лесных и болотистых местностях за главной боевой линией среднего участка Восточного фронта. Легко передвигающиеся, непритязательные в отношении собственных жизненных удобств, приспособляющиеся к любым условиям боя, казаки являются опаснейшими противниками красных банд и ожесточеннейшими врагами большевизма. И не только потому, что каждый из них хочет тысячекратно отомстить, а так же и потому, что в каждом из этих людей живет святое убеждение, что не может быть никакой свободы без уничтожения советской системы».

На улицах Белграда

Всем честным людям и мирным гражданам казаки несут уверенность в завтрашнем дне и душевный мир; всем наемным бандитам и слугам еврейского кагала — страх и трепет, ибо они знают, что никакие ухищрения и изобретенная еврейским мозгом «камуфляжа» не спасет их от зорких глаз казаков, закаленных двухлетней борьбой с большевицкими бандами и что не могут они ждать пощады и снисхождения от тех, которые на своих плечах пережили всю тяжесть жидовско-коммунистического ярма.

В.

Пришедшим казакам

Не знаю, дойдут ли до вас эти строки, но я безгранично хочу вас приветствовать. Не скрою от вас о том, что я старый казак, как малыш казаченок бегал от моста к мосту, с одного конца города к другому, что-бы пови-

Кубанский Атаман ген. В. Г. Науменко среди офицеров 1-го каз. полка.

дать вас. Мне посчастливилось, хотя и издали, слышать ваши дивные песни и посмотреть ваш походный строй.

Сколько смелости в ваших глазах; сколько лихости и бодрости в ваших движениях. Приемы и сноровку носить оружие и снаряжение вы сохранили в точности, как носили и мы, четверть века тому назад. Казачьи традиции почитаются вами!

Вы достойны своих предков. Вы доблестные дети своих отцов — казаков Дона, Кубани, Терека и остальных наших славных казачьих войск.

В час добрый пожаловали вы! Накануне нашего Войскового праздника. Да хранит вас, и всюду помогает вам, родные казаки, Лик Матери Божией Покров Пресвятой Богородицы — заступницы и покровительницы казаков.

И да поможет Она нам, совместно с могучей немецкой армией, раздавить красного дьявола и вернуться в свои родные станицы! Вам казаки, вашим офицерам — ура!

Е. Тихоцкий
генерал Кубанского Войска

Новоприбывшие в одну из частей казаки приносят присягу.

Колхозы на Дону

Из романа в стихах

Шумят дубравы и ливады,
В степях волнуется ковыль,
Согнулись у церкви ограды
И Дон окутался весь в пыль.
Волну волною подгоняя,
Сынов в подполье созывая,
Протестом гневным он бурлил;
О жизни прежней говорил,
Сам жить колхозным не желая.
И словно дети, все внимали,
Отцу почтенному тогда
И ропот гневный понимали,
Как и в старинные года.
Там каждый знал, что Дон не хочет
(И потому-то он хлопочет)
Сынов колхозам отдавать,
От жизни старой отрывать
И в жизнь пустить, кто как захочет.

А он бурлил... в степях, дубравах,
В полях, садах, и камышах,
В домах детей, в станиц управах,
В сердцах сынов и в их душах;
И дети слушали, внимали...
Но вот Москвою к ним нагнали
Питомцев сталинских на Дон
Жизнь перестроить, словно дом,
И как жида их поучали.
Итак пошла у них работа...
В колхоз станицы не идут,
Им быть рабами не охота,
В колхозах пользы не найдут.
Кричат ораторы до пены
И не чинить зовут измен
Кремлю, вождю, всему народу,
Давно познавшему свободу
И ценность в жизни перемен.

Но казакам их Дон милее,
Колхоз станицам не родня
И без жидов им жизнь сытнее
И чище в отчих куренях.
Но центр кремлевский нажимает,
К колхозной жизни призывает
И добровольно, под кнутом
В колхоз стогнают всех гуртом
И всю скотину забирают.
Окутал мрак донские степи,
Забушевало все кругом
И казаки, донские дети,
Решили бой принять с Кремлем.
Леса, кусты, камыш, овраги,
Порою чарка с ядом влаги
На помощь вилам и граблям
И Дона Тихого детям,
Пришли на помощь их отваге.

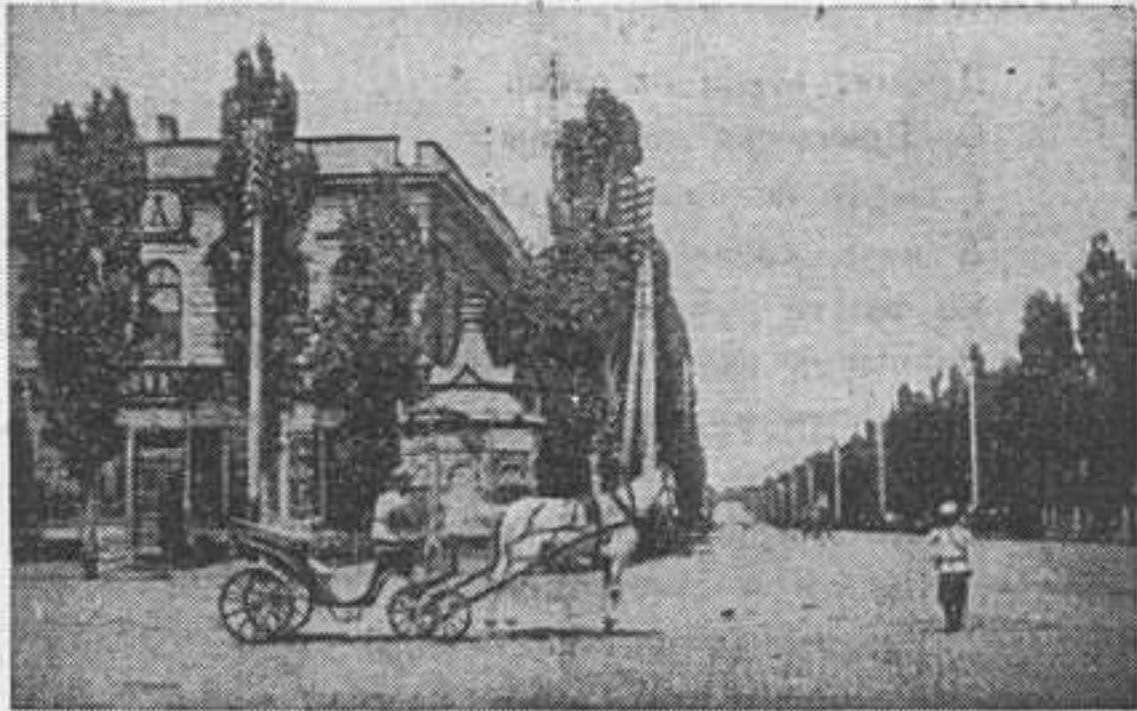
Пожары степи охватили
От Приазовья до Хопра;
В лесах бежавшие бродили,
А ночь ждала скорей утра.
Но только сумерки спускались,
Донцы за вилы снова брались,
Пускались в ход огонь, вода...
И телеграфа провода
С мостами рек уничтожались.
Пройти в степи, проехать лесом
Не каждый мог, не каждый смел;
Питомцам сталинским, повесам
Там был готов один удел:
Кого и где, но как поймали,
На клочья сразу разрывали,
А чтобы не было следа,
На помощь им вода была,
А нет, то в яму зарывали.

Во злобе дикой Кремль бесился,
Что слабо действуют послы,
Что Дон с колхозом не смирился,
Необобщены там дворы.
И новых полчища посланцев,
Пройдох, бродяг и оборванцев
Все гнали на Дон из Москвы
Создать колхозы до весны,
А нет — в Сибирь загнать поганцев.
Террор, в том страшном пониманьи,
Каким лишь можно представлять,
Предписан был Москвой в посланьи
О том, как «контру» подавлять.
И полилася кровь рекою...
Нан Доном, Манычем, Цимлою,
Хопром, Медведицей, Донцом;
Кончалось все одним концом:
Казак платился головою.

Невинных в пору ту не было;
Виновен Дон, а с ним казак
И все везде, там все носило
Вины клеймо в Кремля глазах.
Свинец, тюрьма, огонь и голод
И путь далекий в крайний холод,
И ледяной в Сибири дом, —
Все было брошено на Дон
Для тех, кто стар и тех, кто молод.
Там стоны, крик больных, голодных
Смешались с плачем и мольбой
Детей, старух, калек, бездомных
И все сливалось в страшный вой,
И в этом страхе — злой судьбою
Держались все Кремлем, Москвою;
Там смерть справляла страшный пир,
Но, пусть об этом знает мир!
Что Дон не умер под пятою!

Н. Васильев

Родные картины

Новочеркасск

Московская улица

Памятник-часовня на Монастырском урочище в честь защитников Азова

Литературный конкурс для казаков

«На Казачьем Посту» приглашает всех казаков принять участие в организуемом редакцией конкурсе на лучшее произведение на казачьи темы.

Цель конкурса двойная: выявить среди казаков новые литературные силы и дать возможность нашим писателям-профессионалам ознакомить читающую массу с своими произведениями, неопубликованными до сего времени в силу обстоятельств военного времени. С другой стороны — побудить и поощрить к работе наших начинающих литераторов, а нашим читателям дать новый, несомненно интересный, материал.

Условия конкурса:

1. В конкурсе могут принимать участие казаки и уроженцы всех Казачьих Войск, независимо от возраста и занимаемого ныне положения.

2. Темы произведений — все, что имеет то или иное отношение к казачеству:

Беллетристика (рассказы, очерки, повести);

Воспоминания о событиях и отдельных эпизодах вплоть до наших дней, биографии замечательных людей и героев, о казачьих подвигах.

Казачий быт старый и современный, обычаи, обряды;

Исторические труды;

Работы агитационно-пропагандного характера;

Юмор и сатира;

Поэзия — стихи, поэмы, былины, басни и пр.

3. Представляемые на конкурс рукописи не должны быть ранее изданными или опубликованными в газетах и журналах.

4. Размеры рукописей: для прозы — максимально 300 строк печати нашего журнала (15.000 печатных знаков; для поэзии — не более 100 строк).

5. Рукописи должны быть исполнены четко и разборчиво, без помарок и поправок, на одной стороне листа.

6. Авторы, в конце рукописи, указывают свое имя, отчество и фамилию, год рождения, какой станицы и Войска и точный адрес, по которому он в настоящее время проживает. Кроме того можно указывать и псевдонимы в том случае если автор не пожелает опубликовывать свое имя в печати.

7. За лучшие произведения устанавливаются 1-я и 2-я премии по каждому, упомянутому во 2-м пункте этих правил, отделу. Таким образом, всего будет выдано 14 премий. Премии будут выдаваться русскими книгами.

8. Премированные произведения будут опубликованы в нашем журнале или же в отдельном казачьем литературно-историческом сборнике.

9. Произведения для конкурса редакцией принимаются до 1 января 1944 г. и в месячный срок результаты его, с именами премированных, будут объявлены в «На Казачьем Посту».

10. Редакция оставляет за собой право использовать в журнале или в сборнике и непремиированные произведения.

11. Все рукописи, поступающие для участия в конкурсе, редакцией не возвращаются.

12. Переписку по делам конкурса и рукописи направлять по адресу: Schriftleitung «Kosakenposten», F. R. Nr. 02306.